

REFERENCES

1. Kalinina I.V. Orthodox churches of Irkutsk diocese in 17th – beginning of 20th century: scientific reference book. M.: Galart, 2000. 496 p. (In Russ.)
2. Mainicheva A.Yu. Images of Russian Siberian fortresses of 17th – beginning of 18th centuries. *Arhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoy i hudozhestvennoy interpretatsii: materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii*. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2014, pp. 168–172. (In Russ.)
3. Fursova E.F., Permilovskaya A.B., Chernykh A.V., Zuev A.S., Liutsidarskaya A.A., Maynischeva A.Yu., Glukhikh E.I., Golumyanov A.I. Siberia and the Russian North: Migration and ethno-cultural interactions. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, 2014. 296 p. (In Russ.)
4. Shapovalova L.G. Kargopol temples with ‘bochka’ completion. *Materialy IX nauchnoy konferentsii v Kargopole Istoriko-kulturnoe nasledie Russkogo Severa. Problemy izucheniya, sohraneniya i ispolzovaniya*. Kargopol, 2006, pp. 204–213. (In Russ.)
5. Sheglov I.V. A chronological list of the most important data of the history of Siberia: 1032–1882. Surgut: Severnyiy dom, 1993, 463 p. (In Russ.)
6. Okladnikov A.P. Essays on the History of Western Buryat-Mongol (17–18th centuries.). L.: Sotsekgiz, 1937. 428 p. (In Russ.)
7. Collection of Documents on the History of Buryatia. 17th century. Ulan-Ude, 1960. Vyp. 1. 493 p. (In Russ.)
8. Mainicheva A.Yu. Wooden churches in Siberia 17th century: shapes, symbols, images. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii, 2000. 64 p. (In Russ.)
9. Rezun D.Ya., Vasilevsky R.S. Annals of the Siberian cities. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo, 1989. 304 p. (In Russ.)
10. Tomsk in the XVII century: Documents and Materials. Incoming and outgoing books of Tomsk city. 1630th. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2005. 186 p. (In Russ.)
11. Kopylov A.N. The Russians on the Yenisei River in the 17th century: Agriculture, industry and trade ties of Yenisei County. Novosibirsk: Red.-izd. otdel SO AN SSSR, 1965. 298 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 26.02.2015*

УДК 392.81

А.А. БАДМАЕВ

СИСТЕМА ПИТАНИЯ КУДАРИНСКИХ БУРЯТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.*

Андрей Андреевич Бадмаев,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Институт археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН)
630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

В статье рассматривается система питания кударинских бурят в конце XIX – начале XX в. Юго-Восточного Прибайкалья. Прослеживается зависимость их системы питания от структуры хозяйства, которое имело комплексный характер. Показано, что негативные последствия землетрясения 1862 г. и эпизоотия 1870 г. вызвали затяжной спад скотоводческой экономики кударинских бурят и привели к модификации структуры их питания. Изменилась структура их домашнего стада: к 1890-м гг. она приблизилась к структуре стада оседлого населения.

Система питания кударинских бурят второй половины XIX в. относилась к скотоводческо-зерновому классу – с преобладанием доли продуктов животноводческого происхождения над остальными группами пищевых продуктов. Сохраняя традиционные этнические черты, она включила и ряд заимствований из русской кухни и утвари.

Ключевые слова: буряты, Юго-Восточное Прибайкалье, этнотерриториальная группа, традиционное хозяйство, система питания

А.А. BADMAEV

THE FOOD SYSTEM OF KUDARIN BURYATS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Andrei A. Badmaev,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS (IAE SB RAS)
17 Akademician Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-28-00045.

Abstract. The article considers the Kударин Buryat food system of South-Eastern Pribaikalia in the late XIX - early XX centuries. It defines the dependence of their food system on the economy structure: the diversified nature of the economy allowed Buryats to provide themselves with food. The author specifies the role of a natural-geographical factor in the food system and agriculture development of this Buryat group. The negative effects of the earthquake of 1862 and epidemic of 1870 caused a lengthy decline of Kударин Buryat herding economy and modification of the diet structure. All this resulted in the domestic herd structure changed: before the earthquake it was of classical type shared by most of semi-settled pastoralists. However, by the 1890s it had transformed into a herd structure typical of a settled population.

As a result the cattle as a source of livestock products began playing an increasingly greater role in the Kударин Buryat diet, and other livestock types became less significant for food ensuring. Wild game meat was not included in the diet of the majority of the Kударин Buryats. The share of agricultural products (crops, potatoes) in the diet was subject to annual adjustments, so bread was bought and bartered for fish. Their needs for vegetables were satisfied by gathering wild plants, however their yields were negligible. Fishing played a special role in Kударин Buryats food system, providing the population with Arctic cisco, the main food fish of Baikal. It is noteworthy that the amount of consumed fish remained unchanged compared to the first half of the XIX century.

Thus, the Kударин Buryat food system of the second half of the XIX century belonged to a "livestock and grain" class: the share of livestock products prevailed over all other food groups. While preserving traditional ethnic features it also included certain borrowings from Russian cuisine and home ware.

Keywords: Buryats, South-Eastern Cisbaikalia, ethnic-territorial group, traditional economy, food system.

Удовлетворение одной из основных витальных потребностей, потребности в пище, достигается благодаря существованию такой структуры хозяйства, развитие которой позволяет наиболее полно привлекать биологические ресурсы освоенной территории. В конце XVII–XVIII в. у бурят сложились формы хозяйства, предполагающие подвижный (скотоводческий) или переходный от подвижного к оседлому (полукочевой, полуседлый) образ жизни. При этом скотоводство у них всегда дополнялось присваивающими видами хозяйства (охотой, рыболовством, собирательством), иногда земледелием.

Настоящая статья посвящена характеристике системы питания кударинских бурят во второй половине XIX в. Источниками для исследования послужили архивные, литературные и полевые материалы.

Кударинские буряты сложились как территориально-этническое сообщество в пределах Юго-Восточного Прибайкалья из числа мигрировавших групп автохтонов Предбайкалья – эхиритов и булагатов, а также вышедших из Джунгарии и Халхи монгольских родов и эвенков [1, с. 152–177]. Факт вхождения в состав данной группы разнородных этнических компонентов позволяет предполагать бытование на начальном этапе ее формирования некоторых хозяйственно-бытовых различий: большую часть кударинских бурят представляли носители полуседлых скотоводческих традиций (эхириты, булагаты); часть – полукочевой жизни (выходцы из Монголии); часть – кочевого быта (эвенки). В течение XVIII в. эти особенности стираются, а в начале XIX в. складывается единая в хозяйственном отношении этнотерриториальная общность, которая вела полуседлое скотоводство, дополнявшееся сезонным рыболовством, охотой и собирательством. К середине века у кударинских бурят стали заметны седентаризационные процессы, связанные, в частности, с культивированием земледелия и картофелеводства.

На примере кударинских бурят можно убедиться в значимости природно-географического фактора для развития хозяйства и системы питания. Дело в том, что условия Юго-Восточного Прибайкалья не благоприятствовали нормальному развитию скотоводства и

земледелия. Об этом, в частности, говорится в рапорте главного тайши Заяхана Хамаганова: местности, где «расположено Кударинское ведомство, близость устья р. Селенги, имеющей отлогие берега и часто опустошающей местность своими наводнениями, заставляют бурят выкочевывать среди лета на высокие места и даже на зимние кочевья, которые будучи поуравнены скотом во время лета, на зиму не дают подножного корма, которым здесь во всю зиму питается скот, которого по многочисленности скотоводства и малости сенокосных лугов, часто покрываемых илом от наносов р. Селенги при разливах, на прокормление недостаточно»¹. Кроме того, субрегион имел скудные почвы, был подвержен частым засухам и в целом характеризовался неустойчивым климатом. Таким образом, сложившееся у кударинских бурят многоотраслевое хозяйство было безальтернативным, так как позволяло им поддерживать необходимый пищевой баланс.

В рассматриваемое время особую негативную роль сыграл природный фактор: катастрофическое землетрясение 1862 г. привело к опущению территории т. н. Цаганской степи в воды оз. Байкал [2]; потеря части хозяйственных земель и находившегося на них недвижимого имущества сопровождалась гибелью домашнего стада (утонуло 4 276 голов разных видов скота), а также утратой значительных запасов сена и зерна (вследствие чего последовал забой и продажа необеспеченного кормом скота). Другое событие – падеж скота от эпизоотий в 1870 г., в результате на треть сократилось поголовье крупного рогатого скота у кударинских бурят. Все эти явления имели следствием ошутимое падение экономики кударинских бурят, а, следовательно, и изменение структуры их питания.

Динамика численности домашнего стада у них во второй половине XIX в. (см. таблицу) характеризуется колебаниями пропорций между разными видами скота, заметными потерями в результате землетрясения 1862 г. и постепенным восстановлением былого поголовья. При этом обращает на себя внимание рост

¹ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 207. Л. 11–12.

удельного веса крупного рогатого скота в стаде и его приращение в физическом выражении более чем в 1,5 раза (прежняя численность других видов скота, кроме свиней, так и не была восстановлена к началу XX в.). Очевидно, к концу столетия крупный рогатый скот как источник продуктов животноводческого происхождения стал играть все более весомую роль для питания кударинских бурят. Соответственно, другие традиционные для бурят виды скота становились менее значимыми для их продовольственного обеспечения. Этот вывод можно отнести к системе питания основной массы данного этнотерриториального сообщества – полуседлых бурят. Отметим, что в течение XIX в. доля оседлого населения среди кударинских бурят не превышала 1 % от их числа. Особенностью домашнего стада у упомянутой хозяйственно-бытовой группы было разведение, помимо традиционно-бурятских видов скота, также небольшого числа свиней, а это позволяло восполнять дефицит мяса (в отличие от полуседлых бурят, размер стада у оседлых был меньше, а кроме того, оседлые, являясь более убежденными христианами, воздерживались от потребления конины).

Из данных таблицы можно определить динамику численности скота у среднестатистической семьи (из 5 чел.) бурят Кударинского ведомства (допускается небольшая арифметическая погрешность): в 1853 г. такая семья владела домашним стадом примерно в 16 голов, куда входили 4 лошади, 5 коров, 6 овец и 1 коза; в 1871 г. – 6 голов (2 лошади, 3 коровы, 1 овца, коз нет); в 1889 г. – 14 голов (3 лошади, 8 коров, 3 овцы, коз нет); в 1902 г. – 15 голов (3 лошади, 7 коров, 4 овцы, 1 коза). Отсюда видно, что после памятного землетрясения структура стада у кударинских бурят заметно преобразовалась: если до стихийного бедствия она была классической для полуседлых скотоводов, то к 1890-м гг. приблизилась к структуре стада оседлого (земледельческого) населения (теперь более 50 % всего поголовья составлял крупный рогатый скот). Сведения за 1902 г. в целом подтверждают выявленные тенденции и указывают на стремление бурят к восстановлению поголовья мелкого рогатого скота.

Такие изменения не могли не сказаться на структуре потребляемого ими мяса: в основном они питались говядиной и, как правило, в холодное время года (это было связано с традицией массового забоя скота

на зиму). На сокращение потребления конины некоторое влияние мог оказать переход заметной части кударинских бурят в православие, повлияло и занятие извозом, являвшимся важной статьёй семейного дохода. Однако у бурят-шаманистов конина продолжала входить и в ритуальную, и в повседневную пищу (наряду с говядиной ее заготавливали в зиму). Баранина включалась в гостевые, праздничные и обрядовые трапезы. Если приблизительно оценить, сколько мяса кударинские буряты ежегодно включали в пищу, то получается, что его среднестатистическое потребление составляло около 51 кг. При этом мы исходим из принятой нормы заготовки зимнего запаса мяса на среднюю семью (1–2 головы крупного животного) и затрат на гостевые и праздничные трапезы (2 овцы) в течение календарного года. На практике потребление мяса у бурят-шаманистов было выше, и это обуславливалось проведением обрядовых трапез, на которых обязательным считалось угощение отварной кониной и бараниной.

Вследствие нестабильности развития земледельческой отрасли удельный вес ее продуктов (зерна, картофеля) в питании большинства кударинских бурят был подвержен ежегодной коррекции. В 1859–1860 гг. был достигнут максимум в годовой норме потребления хлебного зерна на душу населения – 117,1 кг, но все последующие годы ощущалась постоянная нехватка данного продовольствия; примерно так же было и с потреблением картофеля – максимальных величин в урожае (соответственно и в потреблении) удалось добиться в 1856 г., а в дальнейшем этот уровень не был достигнут [3, с. 160–162]. Отметим, что, как и у остальных групп бурят, весь выращенный картофель использовался кударинскими бурятами на собственное потребление. Подсчеты показывают, что в урожайном 1856 г. в среднем на каждого кударинского бурята приходилось 25,8 кг картофеля, а в 1866 г., когда объемы площади под эту культуру были минимальными, на одного бурята приходилось лишь 2,3 кг картофеля. К концу столетия, несмотря на то, что объемы площадей под картофель росли, рекорд 1856 г. не был превзойден (к примеру, в 1889 г. в продуктовую корзину бурята Кударинского ведомства входило всего около 11 кг картофеля). Заметим, что из земледельческих продуктов обычно восполняли нужду только в хлебе.

Динамика численности скота у кударинских бурят*

Год	Население	Лошадей		Крупный рогатый скот		Овец		Коз		Свиней	
		число	уд. вес, %	число	уд. вес, %	число	уд. вес, %	число	уд. вес, %	число	уд. вес, %
1853	4469	3610	24,46	4873	33,02	5457	36,98	806	5,46	12	0,08
1871	4997	2115	37,24	2665	46,92	810	14,26	90	1,58	–	–
1889	4520	3121	23,16	7616	56,51	2535	18,81	164	1,22	42	0,31
1902	5147	3248	20,73	7491	47,82	4072	26,0	804	5,13	50	0,32

* ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 57. Л. 22; Оп. 1. Д. 918–920. Л. 3–3 об.; Д. 1113. Л. 6 об.; Д. 1230. Л. 19 об.

Потребность в растительной пище буряты Юго-Восточного Прибайкалья удовлетворяли также за счет сборов дикоросов, но объемы заготавливаемых луковичных растений семейства лилейных (полевого лука, красной лилии и т. д.), других съедобных трав и корней, а также ягод были незначительными.

Особое место в их хозяйстве продолжало занимать рыболовство, главным образом омулевый промысел. Добыча других видов рыб (осетра, сига, щуки и др.), кроме хариуса, была спорадической, весь улов шел на продажу. Омуль являлся основной для кударинских бурят пищевой рыбой, его часто обменивали на другие продукты, преимущественно на хлеб и мясо. Более того, в кризисные годы (например, в 1862 г.), когда резко сокращалась пищевая база, вся добытая рыба использовалась для собственного пропитания.

Чтобы понять, какое место занимал в питании омуль, обратимся к материалам Кударинской степной думы за 1852 г. Анализ показывает, что в это время его годовое потребление в расчете на одного кударинского бурята колебалось в пределах 13,1 кг. Сравнивая с 1828 г. (необходимую информацию см. [4, с. 255]), можно констатировать, что, во-первых, омуль практически стал единственной рыбой, которая употреблялась в пищу кударинскими бурятами, во-вторых, объем потребляемой ими рыбы оставался на одном уровне. Представляется, что у кударинских бурят существовал некий достаточный, по их представлениям, порог потребления рыбы, за который старались не переходить.

В рассматриваемое время охота была уделом отдельных кударинских бурят и явно находилась на стадии спада. Добывали, согласно архивным документам, преимущественно небольшого пушного зверя (лисицу, хорька, белку и др.), при этом мясо некоторых промысловых животных (зайца толай, черной белки, дикой козы) семьи охотников употребляли в пищу.

Вкратце остановимся на характеристике основного корпуса пищи у кударинских бурят. Дойное стадо у них включало коров, кобыл, овец и коз, но молоко в основном было коровье. Удои были невысокими – бурятские коровы относились к мясной породе крупного рогатого скота, а попытки улучшения породы методами народной селекции особого успеха не имели. Годовой удой с одной коровы, за вычетом той части, которая предназначалась на кормление телят, составлял около 500 л молока (опираемся на выкладки, имеющиеся в литературе [5, с. 218]). Именно поэтому буряты держали сразу несколько дойных коров. Кроме того, актуальной оставалась практика миксации молока от разных видов скота.

Молоко в чистом виде почти не употреблялось, обычно оно служило пищевой добавкой (варили зеленый чай, подбеливали черный чай, подливали его в суп, смешивали с другими продуктами). В основном оно шло на переработку, из него получали целую линейку различных продуктов, которые имели разные сроки хранения: скоропортящиеся изделия (кисломолочный напиток *хурэнгэ*, молочная водка, сметана и др.); продукты длительного хранения (творожистая

масса *аарса*, сушеные сырки, сливочное и топленое масло, пенки), которые заготавливали в пору молочного изобилия на зиму.

На основе приведенных данных можно полагать, что удельный вес мясных продуктов в пище кударинских бурят уступал молоку и молочной продукции. В изучаемое время потребление мяса у них, вероятно, было меньше, чем у других территориальных групп бурят Забайкалья. Такое предположение напрашивается из сопоставления табличных данных о приходящихся на душу населения голов скота у разных групп забайкальских бурят, приведенных в работе Д.М. Маншеева [3, с. 239–243]. Понятно, что потребность в мясе кударинские буряты частично покрывали за счет приобретения его на рынке и включения в пищу рыбы.

Способы приготовления и консервации мяса у данной группы бурят не изменились: мясо подвергали жарению, вялению, варке. Хранение больших запасов мяса забитого на зиму скота производилось в оборудованных ледниках. Мясо использовалось для приготовления супа с картофелем, супа-лапши, зернового супа; отварное мясо, сваренные кровь животных и колбасы, фаршированные внутренностями и жиром, подавали во время гостевых и праздничных угощений.

Пища из зерновых культур включала пресные лепешки и печеный хлеб, который к концу XIX в. научились выпекать многие кударинские буряты. В основном зерно и смолотая из него мука использовались в качестве субстрата различных блюд.

Из картофеля варили суп с добавлением творожистой массы, употребляли его в вареном и печеном виде.

Некоторые дикоросы добавляли в мясные, молочные и другие блюда (соленые или сушеные дикий лук и чеснок служили для заправки супов; сушеные ягоды добавлялись как ингредиенты в каши). Из некоторых трав и ягод готовили чай.

Обработка рыбы производилась посредством варки, жарения, копчения, квашения и соления. Ее готовили и как отдельное блюдо, из нее варили уху. Отварные молоки и икру также употребляли в пищу.

Во время застолья гостей было принято угощать зеленым чаем с молоком, молочной или русской водкой, отварным и жареным мясом, рыбными блюдами и др.

К ритуальным блюдам относились молоко, салат, молочная водка, кисломолочный напиток *хурэнгэ*, сушеные сырки; обрядовыми продуктами являлись также сливочное и топленое масло, отварная конина и баранина, бараний жир, зерно. Рыба (сиг) входила в перечень обрядовой пищи (в частности, свадебной).

В рассматриваемое время на быт кударинских бурят оказала влияние русская городская культура, в частности, часть из них стали пользоваться такой посудой, как самовары, стеклянные стаканы, хрустальные рюмки, керамические тарелки и вилки². Со-

² ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1273. Л. 27.

ответственно, в их среде получили распространение традиции питья черного чая с сахаром, употребления русской водки и др.

Подводя итоги, следует констатировать, что система питания кударинских бурят второй половины XIX в. относилась к скотоводческо-зерновому классу: в ней доля продуктов животноводческого происхождения (молочных и мясных) превалировала над остальными группами пищевых продуктов. Сохраняя традиционные этнические черты, она в то же время включала ряд заимствований из русской кухни и утвари.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балдаев С.П. Предания о расселении кударинских и кабанских бурят // Записки Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. 1958. Т. 25. С. 152–177.
2. Бадмаев А.А. Трансформационные процессы в жилищно-поселенческом комплексе кударинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 249–254.
3. Манишев Д.М. Хозяйство бурят в XIX веке: основные факторы и особенности развития. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. 265 с.
4. Бадмаев А.А. Система питания забайкальских бурят в первой половине XIX в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 250–257.
5. Крадин Н.Н. Кочевое хозяйство агинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli. Т. XII, fasc. 11. С. 213–244.

REFERENCES

1. Baldaev S.P. Legends about settling Kudrinsky and Cabanski Buryats. *Zapiski Buryat-Mongol'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury*. 1958. T. 25, S. 152–177. (In Russ.)
2. Badmaev A.A. Transformation processes in housing and residential complex Kudarinsky Buryats in the second half of XIX – early XX century. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*. 2012. T. 11, vyp. 7: *Arkheologiya i etnografiya*. S. 249–254. (In Russ.)
3. Mansheev D.M. Agriculture Buryats in the XIX century: the main factors and features of the development. *Ulan-Ude: Izd-vo VSGTU*, 2011. 265 p. (In Russ.)
4. Badmaev A.A. The food system of the Zabaikalsky Buryats in the first half of the nineteenth century. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*. 2012, t. 11, vyp. 7: *Arkheologiya i etnografiya*, s. 250–257. (In Russ.)
5. Kradin N.N. Nomadic economy Aginsky Buryats in the second half of XIX – early XX century. *Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli*, т. XII. Fasc. 11. P. 213–244. (In Russ.)

Статья принята редакцией 12.04.2015

УДК 392.3 395+397+ 398.4

В.А. БУРНАКОВ

РОЛЬ КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ХАКАСОВ: ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ПСИХОЛОГИИ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX в.)*

Венарий Алексеевич Бурнаков,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17
e-mail: venariy@ngs.ru

В статье на основе лингвистических, исторических и этнографических сведений рассматривается феномен фетишизма у хакасов. В языке этого народа культовые предметы назывались *тӧс'ами*. В традиционной культуре данный термин обладает широким семантическим полем. Среди встречающихся значений выделяются такие понятия, как «основа», «сущность», «корень», «начало» и др. Смысловое содержание этого слова тесно связано с культом предков. Термин *тӧс* имеет древнетюркское происхождение и встречается у многих народов. В традиционной обрядовой практике хакасов *тӧс'ы* использовались в качестве семейно-родовых охранителей. В русской культуре эти сакральные для коренных жителей изделия обозначались словом «шайтаны» и связывались с «нечистой силой». В процессе этнокультурного взаимодействия русских и хакасов в лексический фонд последних вошел и термин шайтан.

Ключевые слова: хакасы, традиция, обряды, предки, фетиши, тӧс, шайтан.

* Исследование выполнено благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.